

2026

НАТУРА

НОВОГОДНИЙ ВЫПУСК

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Влад Галант

РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Марина Бабич**Карина Исакаева**

ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕДАКТОРЫ:

Вера Арболь**Яков Наерман****Олег Швырка**

ХУДОЖНИКИ ВЫПУСКА:

Ольга Прасол**Vita Arte** - иллюстрация на обложке

ДИЗАЙНЕР ВЫПУСКА:

Яна Кирикова

Особая благодарность **Вере Арболь** за озвучку большинства произведений, которые доступны на нашем сайте

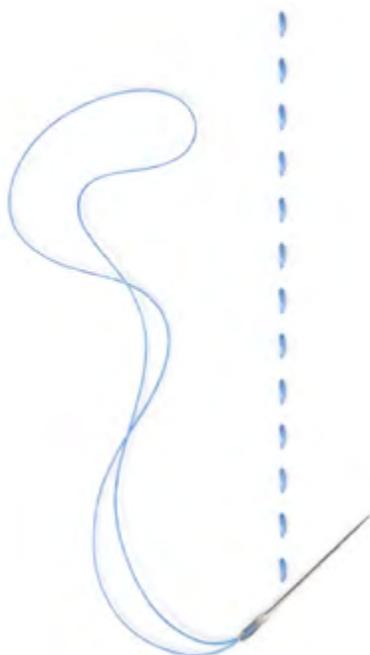
Редактор выпуска: Марина Бабич

Окончила Донецкую консерваторию по специальности музыковедение.

Работала в музыкальной школе.
Самое большое увлечение - авторская песня.

Автор-исполнитель, один из организаторов клуба Белая Ворона, город Николаев.

Живет в Германии.

Пахнет новогодними шарами,
Праздника уютной суетой,
Кукольным спектаклем в балагане,
Ожиданий звонкой пустотой,

Ясностью морозной тихой ночи,
Зреющих желаний теплотой.
И пьянит и сказками морочит
Декабря густеющий настой.

Дорогой читатель, очень хочется подарить тебе немного тепла, веры в новогоднее чудо, надежды на лучшее. Пусть наступающий год будет для нас более милостив и удачен!

*С самыми добрыми пожеланиями,
Ред. коллегия и авторы!*

Светлана
Ефремова

Под зимнюю сказку смычков
и шелест вечернего платья
весенних оттенков желать я
осмелюсь краям облаков.

Спустившись на старый балкон,
ловя восхищённые взоры, –
сочельник рисует узоры
на тонких полотнах окон.

Дыханье теплей и родней
среди ярких витков серпантина,
штрихов новогодней картины
и таинства святочных дней.

Сегодня не время грустить
за отданной прошлому данью.
Пора этажей мироздания
цветные эскизы чертить.

Где сказочный дремлет камин,
огонь в глубине его тонет...
А счастье коснётся ладони
и тихо прошепчет – come in.

Поманит в январскую рань,
следуя за кофейною гущей...
пока меж былым и грядущим
стирается зыбкая грань.

Дожди разбавили акрил,
За графику взялись морозы,
Листочки из блокнота прозы
Обложкой мягкой снег закрыл...

И набело писать сюжет
Зима решила вдруг стихами,
Заполняя пустяками
Края отглаженных манжет.

Был слог её совсем не строг,
Местами чуть размыт капелью.
Она, свою покинув келью,
Плела ажур летящих строк.

Ложилась светлая кайма,
Скрывая хрупкий контур веток...
Гладь накрахмаленных салфеток
Небрежно комкала Зима,

Порой вздыхая: «Всё – сама»...
А Ветер Северный, повеса,
Слегка шутил над «поэтессой»:
– Ты, мать, совсем сошла с ума...

После шумного бала

...К утру погаснут праздничные свечи.
Опять в меха закутаются плечи.
И отголоски нежной пылкой речи
растает тихо где-то вдалеке...

Судьба решает правильно и мудро.
Всё на свои места поставит утро.
...И только след помады с перламутром
останется у принца на щеке...

Разгар зимы, в снегах овраги,
В оковах реки ждут весну,
Ребячьи шумные ватаги
Взрывают смехом тишину.

Вот шустрый озорной мальчишка,
С разбегу плюхнувшись в сугроб,
Тихонько шепчет: – Мама, шишка...
И трёт рукой вихрастый лоб.

Нас всех хранит инстинкт могучий.
И пусть сейчас болит и жжёт,
Но, может быть, вот этот случай,
Его от бед уберезёт.

И боль пройдёт, и горя вспышка.
Потом, вечернею порой,
Свой лоб потрогает мальчишка,
Как орден трогает герой.

И голосу Природы внемля,
Тихонько улыбнётся мать:
– Спи, мы пришли на эту Землю,
Затем, чтоб шишки набивать.

✦
✦ Александр
✦ Мельник

Дождь зимой

Дождь тихо слёзы лил вторые сутки кряду,
как будто обижался, что немощен и стар.
Я, наслаждаясь, пил январскую прохладу,
раскрытых губ твоих дурманящий нектар.

И только ветер знал, как нам с тобой был нужен
вот этот зимний вечер в обнимку, а не врозь.
Счастливые, вдвоём мы шлёпали по лужам,
совсем не замечая, что вымокли насквозь.

Ночь подарила кров и принялась стеречь нас
от злого колдовства холодных глаз чужих.
Прильнув друг к другу, мы почувствовали вечность
и поняли впервые, что значит слово «жизнь».

Цунами или шквал? – всё силился понять я,
но это чувство было значительно сильнее.
Рассвет, смеясь, нашёл меня в твоих объятьях,
заря искрилась счастьем, и мы тонули в ней.

Заворожён весь мир сообщницей природой.
И музыки, и солнца волнующий прибой.
Чудак-январь согрел весеннею погодой,
очарованье ночи продлив для нас с тобой.

Наталья Е-К

Рождество

Опять Рождество
и тёмный декабрь.
У нас Пер Ноэль,
у вас Санта-Клаус.
Мы тёплым вином
согреваем ладони.
Вы пьёте глиувайн
Безалкогольный.
На ярмарках купишь
ты штоллен и кухен,
а я горсть каштанов
и сыра на ужин,
и сладких мадленок
и пряников нежных.
Их вместе съедим
когда ты приедешь.
Повесим на дверь
мы ветку омелы
и вспомним декабрь
заледенелый,
где были сугробы
и яркое солнце,
и ёлки в шарах,
и Деды морозы.

Арноль Коптев

Новогоднее. Маме.

Молюсь за тебя каждый вечер.
Прошу, чтоб болезни ушли.
Я знаю, не быть тебе вечной.
Мои бы мольбы помогли.

Увижусь с тобою? Не знаю.
Девятым десятком стара.
Себя я всю жизнь упрекаю
Не нажил ведь здесь серебра.

Оставив тебя одинокой,
Так редко звонил, ты прости.
Тропинкой уйдя кособокой,
Пытался себя обрести.

Мне стыдно, в Сибири морозы:
Всю зиму тебе индеветь!
У нас же вовсю цветут розы.
Ну как мне тебя отогреть?

Карина Исакаева
(23.02.1967 – 08.12.2025)

Зайди, небритый снеговик
в мою высокую обитель.
Друзья тут редки, лишь лесник
заглянет изредка. Грабитель

бывает, сунется, но вмиг
Уносит ноги. Ты подумай,
как я изныла тут, старик.
Ты отчего такой угрюмый?
Зачем морковкою поник?
И почему не сбрил солому?
Да и сюда зачем проник?
Входи, если неведом страх,
Хлебнем чайку, в газету глянем,
Узнаем новости из врак
Поищем истину в стакане

А после двинем к леснику
я часто у него бываю
и вся деревня зубоскалит:
мол, белка у него – куку!

скажи, мой хладнорукий друг,
за что меня никто не любит?
Мне, белке, тошно средь пьянчуг,
их общество меня погубит...

Мария
Ежевская

Снег

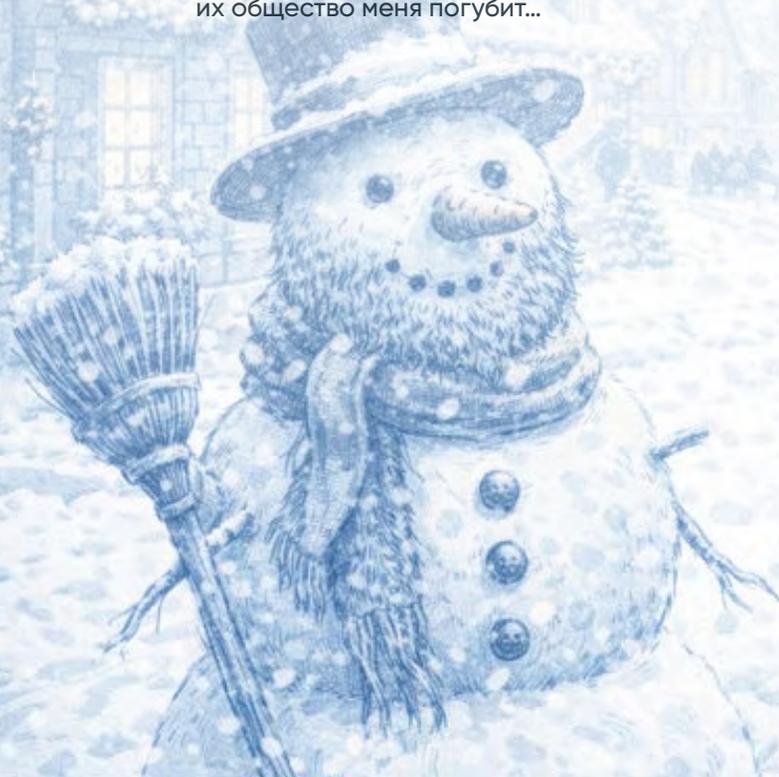
Снег кружится, тихо вьется
Серебром чудесных кружев.
В сердце капель он сольется,
Колкой льдинкой ляжет в душу.

Где хрусталик тот родился?
Что его тревожит ныне?
Сколько дней в дали носился?
Сколько дней в пучине стынет?

Он теперь уже не сможет
Ввысь взметнуться, кануть в бездну.
Белой птицей обернуться,
С глаз судьбы своей исчезнуть.

Вышел срок той жизни чистой,
Бесполезной, тонкой, хрупкой.
Он летит в пучине быстрой
Столь беспомощной скорлупкой!

Я порывам его внемлю,
И в последнее мгновенье,
Он собой закроет землю
И умрет без сожаленья!

Зима

Той ночью был дождь проливной,
но все изменилось за сутки:
к полудню, созрели сосульки –
звонит ксилофон ледяной.

Ткань поля с тропинкой по краю,
как будто порвалась по шву,
и я по дорожке шагаю,
мосты за собою сжигаю,
ткань поля усердно сшиваю.
И все это – наяву.

За что я на свете живу?

Поздний снег! Топчи его и комкай!
Мы ведь не надеялись уже...
Он свеченьем, шорохом, позёмкой
тронул что-то в памяти, в душе.

Милые, ну как вы там живёте
на свирепой родине моей,
на знакомом с детства эшафоте,
на чужом столе семи морей?

Небо эту манну проронило,
чтобы скверна сделалась чиста.
Вот что нас навеки породнило –
нежный саван, снежная фата.

Все надежды, все ночные страхи
вымело прозрачное крыло,
и повсюду пусто, как на плахе,
на душе и на сердце бело

Георгий Ефремов

Январь

Её величество Тоска
Дала нам зимние отпуска.

В чистой, белесой, пустой тиши
Идёшь без цели, не чуя души.

Не зная страха, не помня вины,
Долго идёшь – до самой весны.

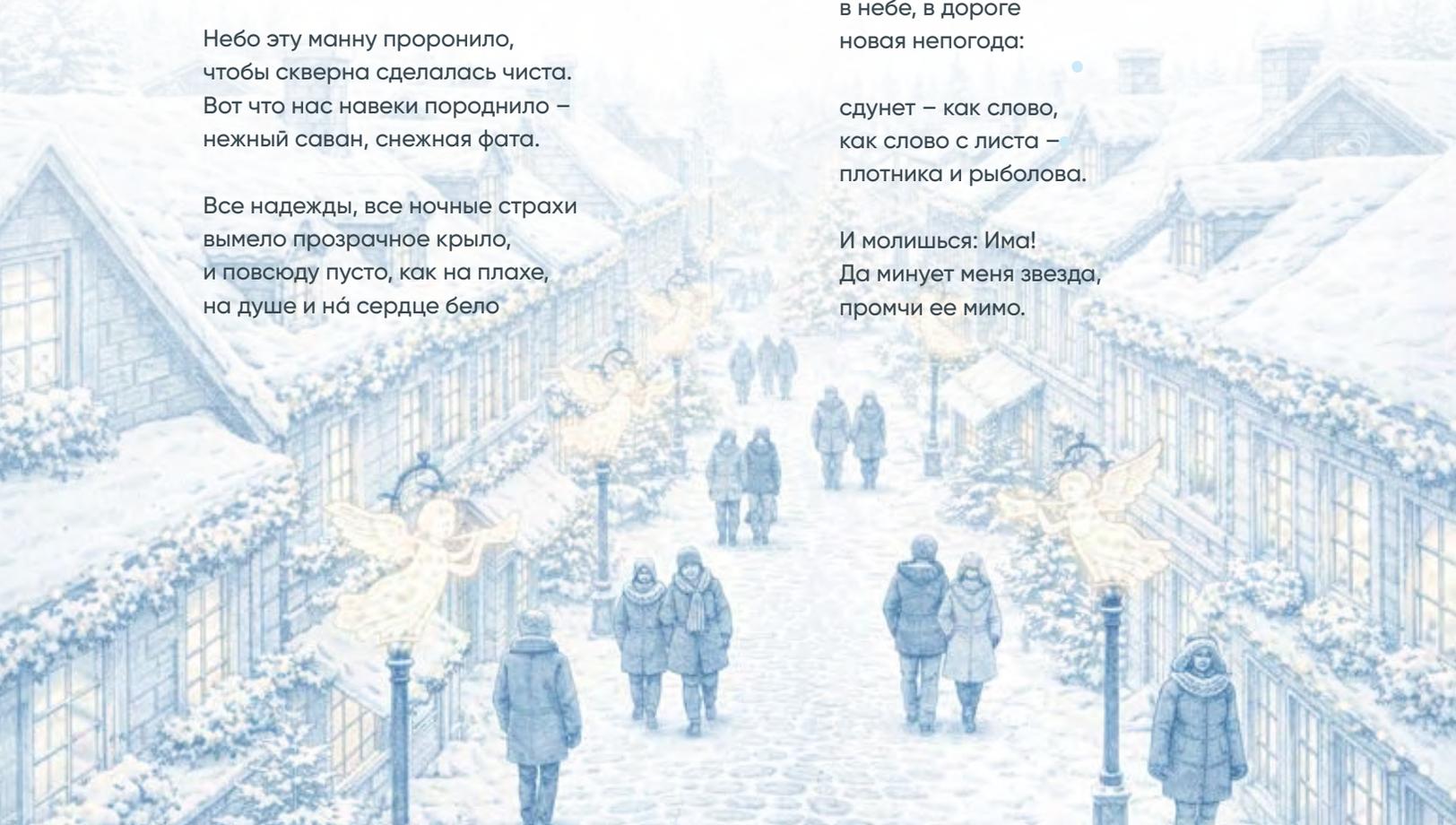
В рождество

Облако словно младенец,
месяц как леденец,
все деревья оделись
в гирлянды сердец.

А скоро второе
пришествие снегопада:
в небе, в дороге
новая непогода:

сдует – как слово,
как слово с листа –
плотника и рыболова.

И молишься: Има!
Да минует меня звезда,
промчи ее мимо.

Георгий Ефремов

Переход на зимние времена.
Перевод назад безразличных стрелок.
Снова такая же звучная тишина...
Вот и гадаю напрасно: о чём она –
как обычно: о войнах, пытках, высылках и
расстрелах?

Дай волю душе самой,
и она онемееет зимой.

Оконная изморозь,
как стерильная кисея.

Каждый, взявшийся что-либо выразить,
очень много берёт на себя

МОЛОЖЕ, ЧЕМ ТОГДА

По следу правды и добра
над миром шла звезда –
она из нашего двора
была видна всегда.

О мудрости учителя
мне пели много лет –
а у меня была земля,
какой на свете нет.

О блуде, о мирской беде
гудел набат земной –
но грязи не было нигде,
а музыка – со мной.

Любовь – закон, и смерть – закон,
и целый мир в груди,
пускай ты с ними не знаком,
а все равно иди.

И если радость на кону
одна – всего одна:
какая разница – кому
достанется она?

И со стеклянного холма
посмотришь: ну, дела!
зачем-то облегла зима,
зачем-то жизнь была.

И эти сумерки стерпеть
положено: года!
а только жаль, что я теперь
моложе, чем тогда.

Рисунок Ольги Прасол

Георгий Ефремов

МЕТЕЛЬ

Облако было
Как пуховой платок.
А в небе застыло
Солнце – дневной цветок.

В голубизне просторной
Таяла льдинка Луны.
Прямо сквозь лёд озёрный –
Зимние рыбы видны.

И вдруг на меня слетели
Белые мотыльки,
Я шёл посреди метели –
Не видел своей руки.

Снежное опахало
Обмахивало, мело,
И – ничего не стало,
А всё же было светло.

Вдруг солнце сверкнуло
Где-то над снежной мглой –
И пелену смахнуло
Огромной белой метлой.

ОБЛАКА

Утром слегка подморозило.
Хочешь – иней погладь.
Облако – это озеро,
Которому надо летать.

Над головою –
Перистое, пуховое,
Не вянет, не тает,
Висит – и не улетает.

А вон кучевое,
Курчавое, дождевое.
Обрывистое, будто круча –
Оно уже туча.

Она уже плачет.
А что это значит?
Дождь начался –
Больше гулять нельзя!

Ливень чудесный,
Серебряный и золотой!
Дождик небесный –
Падает на ладонь.

Намокло – и высохло:
Облако – это ты?
И над землёй повисло
Капельками воды.

Земля среди неба кружится,
Тепла и легка:
За ночь выпила лужицы,
А выдохнула – облака.

Ночной дождь

За окошком - дождь и гром
Ну а мне не страшно!
Мама сделала мне дом
С окнами и башней.

Как бывалый часовой
Я стою на страже.
Поднимает ветер вой,
Расправляю грудь дугой
И не дрогну даже!

Блещут всполохи вдали:
Туча с тучей спорит.
Тонут листья-корабли,
Тонут в луже-море.

Прямо молнии в глаза
Я гляжу отважно,
И что грохает гроза
Мне совсем неважно.

Не пускаю в замок свой
Я ее зарницы.
Бьют часы полночный бой...
Хлопают ресницы...

Вновь рокочет грозный гром,
А мне дела мало.
Мама сделала мне дом,
Дом из одеяла...

Ева Хофман
Лёве

Белоснежный мальчик,
Розовая шейка.
Тишину баюкает тиканье часов.
И струится утро золотою змейкой,
Глаз твоих ресницы нежно расчесав.

Белоснежный мальчик,
Крохотные ушки.
Солнечные зайчики дремлют в волосах.
Облако кудрявое мягкою подушкой
Им грозит игриво в синих небесах.

Белоснежный мальчик,
Шелковые щечки
Обласкать невольно просится рука.
Сон твой не тревожа, сяду в уголочке,
Полуюсь щечками я издалика.

Мальчик белоснежный,
Как ладошки ножки,
Плечики румяные, грудка колесом.
Но однажды ножки встанут на дорожку,
И покинет юноша свой родимый дом...

Ева Хофман

ОСКАР

...К ней камеристка приставлена, – пояснил Коровьев, – и тридцать лет кладет ей на ночь на столик носовой платок. Как она проснется, так он уже тут. Она уж и сжигала его в печи и топила его в реке, но ничего не помогает. <...> С синей каемочкой платок.

М. Булгаков, "Мастер и Маргарита"

– Я вызываю вас на дуэль, – маркиз Форлипополи срывается на фальцет. Выхватывает шпагу, а шпаги-то и нет – рукоятка с обрубком. Неуклюже разворачивается всем телом – словно отдельным от завитого парика и расфуфыренного камзола, – к издевательски улыбающемуся графу Альбафьорите. Прекрасная хозяйка гостиницы Мирандолина спешит их разнять.

А когда после прогона маркиз вытирает влажной ватой пудру, и из-под нее постепенно проглядывает неизменно краснощёкий Оскар, я заглядываю в его глаза, отраженные в зеркале гримерки.

Иногда он провожает меня до дома. Последний троллейбус катит нас по промозглой улице Роз. Так она и называется, эта улица. Недолго катит, мы никогда не успеваем договорить.

Оскар – брюнет лет восемнадцати – прямая противоположность своему венценосному имени. Угловатый, временами нелепый, с дефектами дикции и негнущейся спиной. Тот самый человек, который аршин проглотил. Апоплексический румянец на щеках довершает образ бедолаги, от которого можно ожидать самых неловких коленец. При этом он не строит иллюзий о своей внешности, и охотно шутит в свой собственный адрес.

Оскар входит в основной состав нашего театра-студии. В состав небожителей. Они бли-

стают на подмостках, божественно поют, брэнчат на балалайках, танцуют, дудят в дудки. А я – ученица 10-го "А" – экспериментального класса с театральным уклоном.

Наш театр околдовывает: внезапно вспыхивающие тайные романы, разговоры репликами из спектаклей – мир поделен на "своих" и тех, кто не в курсе, – Воланды и Федоты, мгновенно превращающиеся за кулисами в Дим и Саш. Кот Бегемот, молнией перемещающийся за задником, чтобы возникнуть перед зрителями из противоположной кулисы. И ни с чем не сравнимая атмосфера загадычности.

Обычно главных ролей молодяку не дают. 10 "А", как правило, в массовках или на подхвате в цехах. Однако наш бог – Хармелин – сходу предложил мне попробоваться на Лялю в "Дорогой Елене Сергеевне". Это та девчонка, которую насилует её одноклассник на глазах у училки.

Я потеряла роль, еще не приступив к первой читке. Ко дню рождения бабуля подарила мне хрустящую банкноту приятного ежевичного цвета. На этот злосчастный четвертак я сдуру купила самый дорогой коньяк, который только могла сыскать в центральном магазине "Вина Молдавии".

Алкоголь мне на самом деле не нравится, но как атрибут взрослости... Хотела угостить наших театральных. Двадцать первого дека-

Ева Хофман

бря - мне стукнуло шестнадцать - притащила бутылку в театр, а там - темно и пусто! Один Оскар сидит на антресолях в реквизиторской, мастерит шляпу.

- Привет! А где все?

- Привет-привет! Снегурят в Доме офицеров.

С ним-то мы коньячком и попользовались. Крепкое я пила впервые в жизни. Оскар по-товарищески доволлок до дома. Я исчезла с радаров на пару дней, не явилась на читку и репетицию. Отлеживалась дома, мама с пониманием носила мне в комнату влажные полотенца. Даже врача участкового вызвала на дом, мол, приболела дочурка. Доктор деликатно косил глаза на распахнутую форточку. Сквозь нее почти видимыми кольцами уплывало в морозный воздух спиртуозное амбре. Он царапал на бланке мои имя, фамилию, возраст. Шестнадцать, исполнилось вчера? С укоризненным вздохом выписал общеукрепляющие витамины. Больше вопросов не задавал.

Когда я привела себя в порядок и обрисовалась в театре, не посмела взглянуть Хармелину в глаза. Подвела товарищей. О пробах на роль речи больше не шло.

После этого случая мы сошлись с Оскаром ближе. Решили делать совместную сценку к новогоднему капустнику. Из троллейбуса перекочевали в мой подъезд. Часами простаивали там в потемках, обсуждали сценарий и действующих лиц. Курили одну за другой, прикуривая от предыдущей. Всегда одну на двоих. Мы пребывали в гармонии с подъездом и с собой. Батарея была едва теплой, мы норовили прильнуть друг к другу боками. Оба делали вид, что не замечаем. Мимо то и дело мелькали тени соседей. При каждом вновь вошедшем в подъезд мы затихали, до тех пор пока незваный гость не исчезал в жёлтой пасти лифта. Иные подолгу скреблись у своих почтовых ящиков, перебирая в потемках ключи, с подозрением поглядывая на нас. И их в конце концов проглатывал лифт. Наши лица освещались на пару секунд его тусклым светом, потом агрегат, дребезжа, смыкал свои тонкие резиновые губы, и мы вновь погружались в комфортный полумрак.

Становилось совсем поздно. Расставаться не хотелось. Мы находили всё новые и новые темы, лишь бы продлить время вдвоём. Спустилась мама, глядела на нашу идиллическую парочку в сизом сигаретном дыму, звала домой, приглашала Оскара зайти. Он вежливо отнекивался. Подниматься ко мне на восьмой мы и не помышляли. Там - яркий свет в комнатах, чай, политес.

С каждым проведенным в подъезде вечером, сюжет номера для капустника становился всё отточеннее, всё смешнее - нас буквально крючило от коллик. Оскар сочинял на ходу. Резко, как птица, поворачивал голову и останавливал её в новом неожиданном положении, разыгрывал текст по ролям. Он здорово умел подделывать голоса. Мне нравились его пародии. Его неладно скроенное тело с повадками деревянного буратино действительно жило отдельно от души. От души большого артиста.

Я смеялась в голос. К его видимому удовольствию. Так весело мне никогда не было. Вконец обессилев от хохота, склонила голову ему на плечо. Зажмурилась. Ждала. Глаз не открывала, растеклась вдоль его теплого тела - и затаилась...

- А в этот момент на сцене появляется лошадь в яблоках! - (Господи, он всё о капустнике!) Я слышу слова через его мыщцы, и шелестящий рукав куртки, по которому распласталась моя щека. - Спишь, что ли? Лошадь сошьём из занавески...

Ева Хофман

Робеет сильно. А когда улыбается – добро и грустно одновременно, – я знаю, – он всё про нас понимает. Я знаю, это всё из-за зубов. Он их стесняется: выросли криво. И странная штука – собственные зубы, а мешают человеку выговаривать слова. А еще у него выпадение правого медиального мениска... Ходит он и вправду будто на ходулях.

К капустнику мы бросили клич моим празднующимся одноклассникам – по сценарию нам нужны еще четыре человека. Объяснили сюжет, распределили текст. Я взяла на себя режиссуру. Сам Оскар был центральной фигурой, его партия – выживший из ума генсек, раздающий награды направо и налево.

Всякие паралитики у него получаются великолепно – фактура так и ложится. Лошадь тоже вышла комичной. И хвост мы ей приделали отменный – из метёлки.

Отрепетировали мы своё детище всего один раз. Нам выпало выступить первыми, так распорядилась жеребьевка. Публика не разогрета, но благожелательна – все свои. Я заняла место на галёрке.

И вдруг, о боже! Что это?! Из глубины зрительного зала, с первых же фраз, наш номер, показался чудовищно тупым! Тряпичная лошадь – Наташа и Света – идиотически заблелала. Как на беду отвалился хвост, Оскар споткнулся, чуть не свернув шею. Кто-то начисто забыл текст. Началась неуклюжая импровизация с фальшивыми интонациями. Я все сильнее

хотела провалиться сквозь землю. Уже не смогла на сцену, а насильно удерживала взгляд на собственном ботинке. Галиматья и жалкая самодеятельность! Наши блестящие фантазии, рождённые в романическом возбуждении в потёмках подъезда, обернулись нежизнеспособными уродцами при свете рампы. Страшно представить, что последует за окончанием этого говнономера! Невыносимо смотреть дальше! Метнулась к выходу.

В гардеробной рывком развязала узел шапка-куртка-шарф. Поспешно натягивая варежки, бросила взгляд в зал сквозь дверную щель. Мой блистательный Оскар, мой весёлый соавтор продолжает сражаться за нашу идею как лев. Шамкает и бормочет – вылитый генсек – как всегда гениально. Но это уже не спасает общую картину. Позорняк!!!

Сбегая по лестнице, краем глаза успеваю зацепить закуски и выпивку в праздничной гостиной. Не для меня! Непередаваемый шарм театральных посиделок сегодня не для меня.

Прибежала домой, хлопнула дверь, накрылась одеялом с головой. Сказала матери, кто бы ни позвонил – меня нет дома.

Звонок настиг меня на следующий день:

– Прости меня, Бетта, – он помолчал, словно давая мне время для ответа. – Это я втянул тебя в эту глупость. Мы можем увидеться?

Я спустилась вниз, к теплой батарее, отполированной нашими задницами. Мы молча курили, по обыкновению одну – передавая её друг другу. Дневной свет обнажал грязь подъезда.

– Бет...

– Чего?

Он по-птичьи закидывает голову назад и начинает торжественно декламировать:

– Застыли ели в карауле,
Синь неба мирного ясна.
Идут года. В тревожном гуле
Осталась далеко война.

– Ааххуительно, – я выдыхаю серые завитки дыма, вплетая их в солнечные лучи, пробивающие подъезд насквозь.

- Но здесь, у граней обелиска,
В молчаньи голову склонив,
Мы слышим хруст колен мениска
И рвущий душу медиальный срыв.

- Сам придумал? - На душе теплеет: меня
простили, возвращаюсь к жизни после позора.
- Бет, ты новый год где будешь встречать?

Девяностый год мы встречали на квартире у
одного из наших театральных. Веселье вокруг
шло полным ходом. За несколько минут до полу-
ночи Оскар пошатываясь, зашёл на кухню, где
я курила. Апоплексический румянец был впол-
не апоплексичен. Щёки пылали багрянцем. На-
брался он по-взрослому, даже не дождавшись
боя курантов. Таким я его еще не видела.

- Посиди со мной, - он сел на табурет напро-
тив, и протянул ко мне руку. Но словно забыв куда
он ее тянул, забрал ее обратно. Оперся локтем о
стол, свесил голову на грудь и закрыл глаза.

- Пошли в комнату, - произнёс он, обраща-
ясь к собственному пупу, не открывая глаз.

Я вела его под локти в единственную комнату,
остававшуюся пустой и темной, под звуки гим-
на Советского Союза, которые раздавались из
праздничного ТВ-ящика. Неверной походкой он
проследовал к дивану, проступавшему жесткими
углами из полумрака. Лёг лицом вверх, прямой
как жердь. Прощание в Колонном Зале - ни дать,
ни взять. Я присела рядом. В темноте он нащу-
пал мою руку, забормотал. В соседней комнате
хлопнуло шампанское, раздались крики "Урраа".
Затем краткий миг тишины - осушали бокалы. И
потом - магнитофон на полную громкость.

В это мгновение за неосвещенным окном
крупными хлопьями повалил снег. Так красиво...

Я глядела на лицо своего румяного друга, ко-
торый отчебучил очередную неловкость в пафо-
се новогоднего момента. Мне нравился мой вы-
нужденный перерыв на этом празднике жизни. В
сердце плескались нежность и спокойствие.

- Я люблю тебя, - вдруг выдохнул он в тем-
ноту. По законам жанра должен был после-
довать поцелуй. И я была готова. Но не весь
мир - театр, и мы порой - никудышные актеры.
Оскар отвернулся к стене и заснул.

Остаток новогодней ночи я просидела око-
ло него в темноте. Выходить, пить, танцевать не
хотелось. Мне было интереснее сидеть рядом
с этим чудаковатым парнем, который не стре-
мился завладеть моим телом. Который, пусть
совсем не галантно, признался мне в своих
чувствах. Его сопение в темноте оказывало на
меня успокаивающее действие. Мне было при-
ятно охранять его сон в эту ночь.

Когда под утро стали расходиться, разби-
рать куртки в залитой электрическим светом
прихожей, каждый считал своим долгом похло-
пать изрядно помятого Оскара по плечу, и тут
же с прищуром улыбнуться в мою сторону. Мол,
знаем-знаем, темнота - друг молодёжи.

Я отвечивала хитрые улыбочки с беспечным
сонным прищуром в ответ: *«Пусть их освищут
меня, но зато я в ладоши хлопаю дома себе, как
хочу»*... Гораций. Сатиры, 1, строки 66-67, на про-
шлой неделе по сценической речи проходили.

Ева Хофман

На зимних каникулах Оскар как в воду канул. Признался и оробел, новый год дурацким получился. Наконец, после осточертевших праздников - первое сборище наших в театре. Ставим "Мастера и Маргариту". Мне досталась маленькая, но мистическая роль Фриды. "...Это была молодая женщина лет двадцати, необыкновенного по красоте сложения, но с какими-то беспокойными и назойливыми глазами..." Всего лишь первая читка, а Оскару уже ищут замену на его роль Ивана Бездомного. Ему из ОВИРА пришло разрешение на выезд...

Ранняя весна, по потемневшим за зиму стволам деревьев неслышно восходят соки. У входа в театр - смех и дым коромыслом. Мы выстраиваемся в шуточную шеренгу, грудь колесом, в легко накинутых на плечи курточках и кофтах, докуривая на ходу. Хармелин стоит в начале шеренги, по обыкновению сильно склонив голову на бок, и отступив полшага в сторону, чтобы видеть всех. Он улыбается и щурится на солнце. Задумчиво разглядывает нас грустными, цвета черной вишни, глазами, отпускает ироничные замечания по адресу то одного, то другого, называя нас по фамилиям. "Бетянина, сигарета - суррогат мысли. Бросай", - обращается он ко мне.

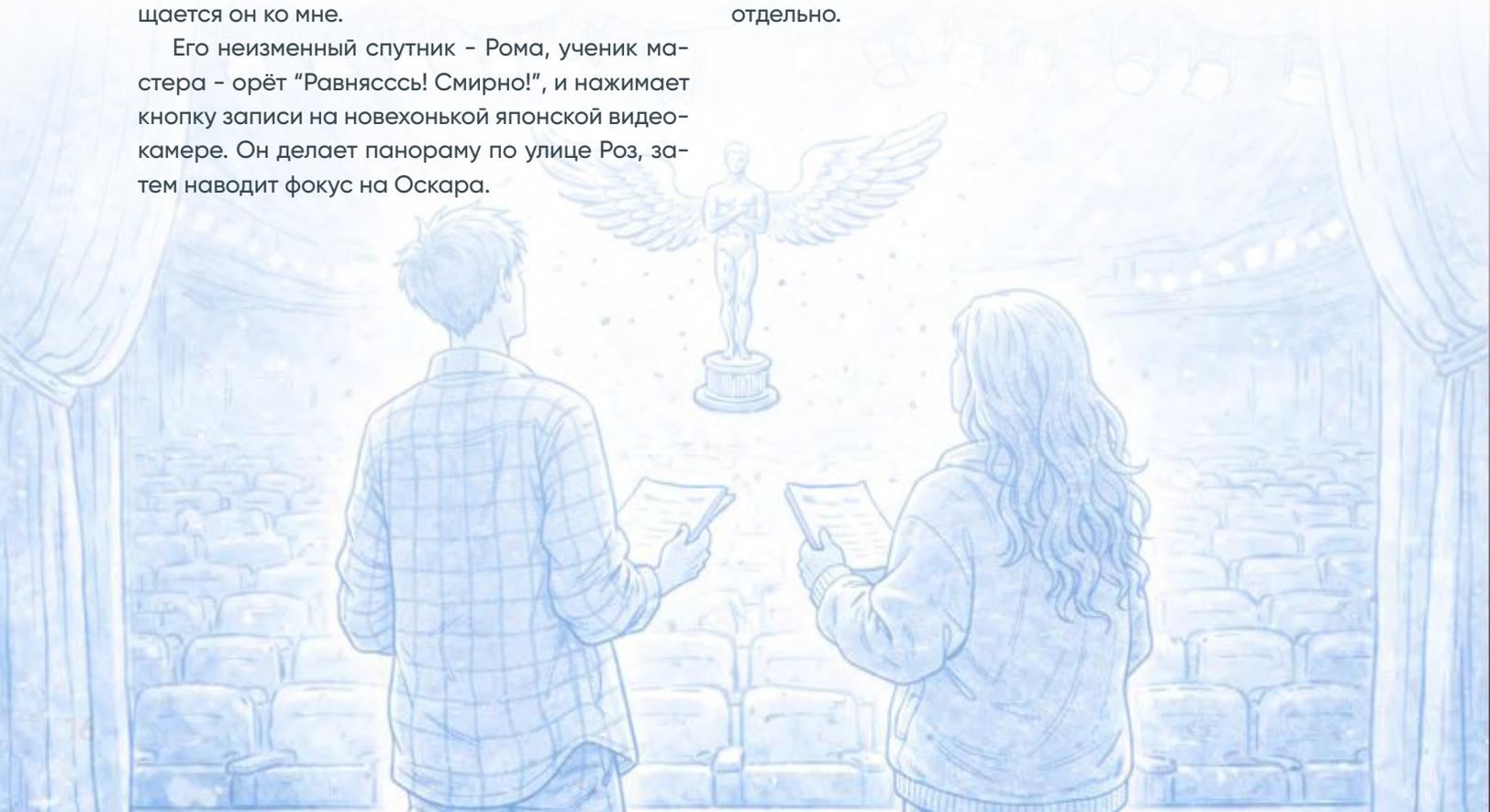
Его неизменный спутник - Рома, ученик мастера - орёт "Равнясссь! Смирно!", и нажимает кнопку записи на новехонькой японской видеокамере. Он делает панораму по улице Роз, затем наводит фокус на Оскара.

Оскар начинает своё шествие с конца шеренги, нарочито хромя, приволакивая правую ногу словно деревянный протез. Он останавливается около каждого человека в строю, по военному отдаёт честь, и вступает с ним в краткий импровизированный диалог. Кому-то даёт напутствия голосами разных людей, от кого-то выслушивает пожелания сам, с кем-то получается лихой развеселый обмен репликами. Шеренга взрывается дружным хохотом. Мы провожаем его на ПМЖ в Германию.

Подходит моя очередь обменяться с Оскаром прощаниями в шеренге. Он останавливается напротив, наши глаза встречаются, он желает мне здоровья в личной жизни голосом знаменитого на весь мир старого маразматика на потеху всем присутствующим, треплет меня за щеку как пионерку Катю Лычёву.

Лишнюю секунду задерживается взглядом в моих глазах. Потом подбирает свою костяную ногу, поворачивается вбок всем телом как будто у него продуло шею, и идёт дальше. Он здорово насмешил всех этой пародией. Под смех и аплодисменты, он еще раз оборачивается. Мы встречаемся глазами.

У него так всегда: тело - отдельно, а душа - отдельно.

Вновь плачет дождь, и опустели скверы
Сезонный блюз и низкий дофамин
Цвет тусклый – серое на сером
Из ярких пятен – россыпи калин

Раскаты взрывов, темнота и свечи
Романтика такая, черт возьми
И мир, увы, не будет безупречен
До дрожи холод и предчувствие зимы

Израненный пронизывают город
Осенние бездушные ветра
Мы растворимся, спрятавшись за ворот,
В эстетике тревожной ноября

Пустынный парк, и лавочки в саду
Оставлены на милость непогоды
Под моросью осеннею бредут
Хозяйка с псом невесть какой породы

Хозяйке с ним уютней и теплей
Придет домой, протрет собачьи лапы
Поставит зонтик сохнуть у дверей
Вот только б не летели ночью КАБы

Погладит шерсть. Пусть прыгнет на диван
Обнимет пса под полосатым пледом
Откроет недочитанный роман
В нем нет войны и нехитры сюжеты

Искрятся капли в свете фонаря
Горячий кофе в бирюзовой чашке
На стыке осени и декабря
То, что так нужно – это обнимашки

Ольга Прасол

Снежные хлопья сбиваются в стаю
Холодным безжалостным утром
Скоро Різдво, снова год ускользает
Вдребезги шар, что покрыт перламутром...

Ветки еловые пахнут смолою
Дом украшать? Да кому это надо...
Все-таки надо, чтоб выжить с мечтою.
Пусть вместо вазы и гильза снаряда

Включит на нОчь свое «звездное небо»^{*}
Город уставший, бетонно-железный
Вера, что лучший нам выпадет жребий,
Мы просто танцуем. На краешке бездны...

^{*} «Звездное небо» – это иллюминация в Харькове на двух центральных улицах, которую теперь включают только в новогоднюю ночь.

С уважением, Ольга Прасол

Рисунок Ольги Прасол

Кира Февралева

Леший

С первого класса Олешкин дергал Аню за косички. Больно. Пулял в нее ластиком с пластмассовой линейки. Больно и обидно. Плевался жеваной бумагой из раскрученной ручки. Больно и противно.

«Вот вырасту, стану красавицей и отомщу», – сжимая зубы думала Аня и терпела. Вообще, она могла и сдачи дать. И давала – другим. Этот от сдачи становился бешеным, слетал с катушек, бил пока не оттащат. Так, кстати, и отучил остряков шутить над своей фамилией.

Маленький мальчишка с большими глазами, некрасивый и обаятельный как Бельмондо, злой как черт не давал Ане жизни шесть лет. В седьмом классе мама перевела ее в «хорошую школу», в Москву. Приходилось вставать раньше, ездить на электричке, но новый мир того стоил: мальчики тут не только не били девчонок, но и называли по имени.

Постепенно Аня оттаяла и стала забывать старые обиды. Тем более, что бывшие одноклассники перестали с ней здороваться – переход в другую школу считался у них предательством. Теперь они проходили мимо, встречая её на улице. Девочку это устраивало.

Раз только, когда она шла по цветущей весне в нарядном белом платье, ее «заметили». С тенью пышной юбки поравнялись две опасные тени, и замирая от ужаса, Аня услышала нарочитый звук плевка.

– Мишаня, ну зачем же девушке на платье? – растягивая гласные пропел знакомый голос. Аня похолодела, а тень пониже показала тени повыше большой палец. Ясно, «шутка».

На этом страшное приключение закончилось. Тени отстали.

Аня выросла. Теперь красавицей ей хотелось быть для Семёна с юрфака. Но что-то пошло не так – перед самым Новым годом Семён бросил её, и она поехала в родные пенаты – рыдать на груди подруги Галочки, ну и Новый год встречать, куда ж без него.

Всю дорогу в электричке тихо плакала. Стояла в тамбуре, чтобы не при людях, курила, смотрела на мелькающие огни чужого уюта и промокала слезы. Когда немного отпускало, читала, что накарябано на стене. Накарябано было слово «Леший». «Ну и пошел он к лешему», – думала Аня и закуривала новую сигарету.

– Подруга, прекращай уже курить, – голос доброй Галочки был серьезен. – Скоро мои придут, надо проветрить. Или иди на улицу, минус два, не замерзнешь.

И Аня пошла.

Стояла возле искрящегося, такого белого, сугроба и смотрела на окна напротив – когда-то это были их окна. Когда-то она надеялась, что они с Семёном будут жить тут, растить детей на

Кира Февралева

свежем воздухе... и опять к горлу подступило, и лучи от фонарей расплзлись по диагонали.

Хлопнула дверь машины.

- О, Анюта! Любимая одноклассница, - услышала Аня веселый незнакомый голос. - Какими судьбами в нашей пустоши?

Она подняла глаза... не может быть! Некрасивый, но обаятельный как Бельмондо, Олег Олешкин стоял перед ней и радостно улыбался. В руках у него была охапка каких-то длинных штук.

- Ты это, плачешь что ли? - в незнакомом голосе послышалась незнакомая забота. - С ума сошла! Сейчас я в честь тебя салют устрою! Загадывай желание!

Штуки оказались петардами. Олег воткнул одну в сугроб, поджег, и в небо взлетела оранжевая змейка, замерла в темноте и рассыпалась не пойми откуда взявшимися разноцветными брызгами. Анино настроение, перепрыгнув через ступеньку «удивление», превратилось в мечтательно-новогоднее. Желтые, зеленые, красные звезды, плавно угасая, стекали с неба, обещая исполнение всех-всех желаний.

- Красивая ты, Анюта, всегда была красивая, - Олег сделал к ней шаг, будто хотел обнять, но в последний момент опустил руки. - Больше никогда не плачь! Красивые не должны плакать.

- Представляешь, я сейчас встретила... угадай кого?

- Да Лешего, я видела в окно, - засмеялась Галочка, - он всегда в тебя был влюблен, а тут смотри как хвост распустил!

- Да брось ты, влюблен... А почему Леший?

- А кто ж он еще? Всю округу в страхе держит. Мафиози он.

- Как в кино? - ахнула Аня и вспомнила машину за спиной «Бельмондо» - огромный черный джип.

- Как в страшной сказке - жестокий как черт,

- сказал Галя и посмотрела на нож в руке, - и Аня поежилась: оказывается, не забыла она все те линейки, ластики, жеваную бумагу... - А вот и мои! Открой дверь, я сейчас!

Новый год встретили душевно. Среди гостей оказался чей-то сильно выросший братец. Трогательный, рыжий, с гитарой. Сначала он застенчиво стеснялся Ани, а выпив и посмелев, стал петь ей романсы. С улицы то и дело звучали выстрелы петард, перед окнами распускались цветы фейерверков.

Вечером первого января, уже совсем другая Аня, шагнула в двери электрички. Шагнула и замерла: надо же - тот самый тамбур с надписью «Леший» на стене. Похоже, что надпись заметила не только она, но и парни, вошедшие следом.

- Слышал, Лешего убили?

- Гонишь! Когда?

- В новогоднюю ночь, - чиркнула спичка, - Застрелили на районе. Нашли на сугробе с петардами.

Аня потянула тяжелую дверь вагона, и покинула стылый тамбур. Нечего там делать. Она бросила курить.

Марина Гершенович

Пути земного прошагав две трети,
однажды ночью ты увидишь сон.
Нет, не о том, что ты один на свете.
И не о том, что мрак со всех сторон.
Тебе приснится жизнь в своём почине,
когда с мешком походным на весу
ты вышел в путь, и по какой причине
ты оказался в сумрачном лесу.
Как ты бродил по непролазной чаще
с ружьем, в котором отсырел запал.
Проснешься – и забьётся сердце чаще –
то лист последний с дерева упал.

Был декабрь, и мы перебирали
спелые каштаны для еды.
Промывали в ситечке из стали,
оставляли ножиком следы
на плодах и глянцевых, и твёрдых:
круглый бок, надрез наискосок.
И один из них воскрес из мёртвых,
приоткрыв коричневый мысок.
Взяли мы сырое полотенце,
разложили на краю стола,
спеленав нетуго как младенца,
это чудо. Вот и все дела.
Подержали в тряпочке немножко,
запаслись терпением, как смогли.
А потом – в горшок и на окошко,
а в горшке всего-то горсть земли.
И к весне из маленького тельца
выпростался зелени росток.
Смотрит в мир. И видит глаз пришельца
Север, Юг, и Запад, и Восток.

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

Вкус сухого вина, запах пихты,
отголоски минувшего дня.
Что тебе рассказать, когда спишь ты?
Дух бессонницы поднял меня,
вынимая из теплой постели,
как игрушку, что в ней замерла.
Вставил ключик в замочек на теле
и оставил сидеть у стола.

Но вот-вот оживу, словно кто-то,
прикоснувшись к стальному ключу,
повернет его вполоборота,
звук настроит, и я зазвучу
на какой-то неведомой ноте,
очень чистой и тихой такой –
музыкальной шкатулкой из плоти,
охраняя твой сон и покой.

Мне всё равно где жить, в какой из многих частей земного шара, мир большой. Из всех прямоходящих и двуногих мне ближе тот, кто наделён душой. Не надо призывать меня к ответу за каждый шаг, и требовать: «озвучь!» Ведь я ношу любовь свою по свету в шкатулочке не запертой на ключ. Она со мной, ей никуда не деться — любви, что проступает изнутри сквозь кровь и плоть незапертого сердца, всё явственнее, что ни говори.

К сказкам есть у каждого привязка: кто был бит, кто потерял коня. Но одна прочитанная сказка в детстве долго мучила меня, и не объясняла зла причину, сея страх и действуя тишком. В ней герой любую мертвечину оживлял волшебным порошком. Порошок давал такую силу идолам с древесной головой, что они могли загнать в могилу каждого из тех, кто был живой. Время лечит. Может и калечить. Что сказать... Я всё ещё держусь — для того, чтоб не расчеловечить жизнь свою, как сделал Урфин Джюс. И твою стараюсь жизнь из ада вызволить, истерзанную в хлам. Видишь свет? Горит моя лампада, тени разгоняя по углам.

✦ ✦ ✦
✦ Марина Гершенович ✦ ✦

ДЕКАБРЬ

Обещает подобие рая,
снеговою метёт бородой,
словно дворник, к рукам прибирая
наши слёзы и горе с бедой;
видишь, выбелил двор и дорогу,
и распутал судьбы переплёт.
Так и жизнь моя вверена Богу:
приберёт, когда время придёт,
выметая из мира, из дому,
ледяную наложит печать,
и доверит кому-то другому
жизнь земную по новой начать.

Яков Наерман

ЛЮБОВЬ И ЖОЛОД

В нашем экспериментальном цехе был особый участок. Он назывался «Цех легковых автомобилей». Там изготавливали правительственные лимузины: ЗИЛ-114 и ЗИЛ-117. Публика видела их по телевизору – на этих шедеврах принимали парады наши министры обороны. Делали их вручную, штук по пять в год, и я думаю, что не было в мире более дорогих по себестоимости автомобилей. Там же стояли лучшие существующие лимузины – Rolls-Royce, Cadillac и Mercedes-Benz, у которых наши конструкторы усердно перенимали опыт. Но, следуя лозунгу «Вперед планеты всей!», отечественные ЗИЛы должны были, имея собственную конструкцию, не уступать лучшим мировым образцам по всем показателям – в частности, по надёжности. Поэтому в нескольких испытательных боксах постоянно тестировались новые конструкции или проверялись различные режимы в самых экстремальных условиях.

История, которую я рассказываю, связана с испытаниями системы кондиционирования для лимузина ЗИЛ-117. Кондиционер был готов, и началась его обкатка. Он должен был работать в течение месяца на различных температурных режимах. Датчики постоянно фиксировали изменения температуры, уровень шума и химическое состав воздуха в салоне.

Однажды утром произошло ЧП: обнаружилось, что в одиннадцать вечера накануне был зафиксирован необъяснимый подскок температуры в салоне – на пять градусов – которая через полчаса вернулась к заданной. Скачок был небольшим, но этого было достаточно, чтобы вызвать тревогу. Сначала решили, что это случайная ошибка, но когда на следующий день ситуация повторилась примерно в то же

время, стало ясно – это не случайность.

Опытнейший главный конструктор легковых автомобилей Силин вызвал инженера по тестам Богомолова и спросил:

– Судя по изменениям температурного графика, я подозреваю, что кто-то залезал в машину во время испытаний. Вы их как запираете?

– Да, честно говоря, никак...

– Понимаешь, поскольку это правительственные машины, мы должны составлять рапорт и отправлять его в органы. А Лубянке делать нечего – они нас будут трясти два месяца, и житья не будет никакого. Давай пока шум не поднимать, а просто попробуем запереть машину, чтобы никто не мог в неё забраться. Если ситуация повторится – будем разбираться дальше.

И вот на следующий день, перед тем как уйти после второй смены домой, Богомолов спустился в бокс и запер машину снаружи. А проверяли в ту неделю кондиционер на минимальные температуры, которые, по техзаданию, должны были доходить до минус четыре градуса по Цельсию. (Только не надо спрашивать, на кой хрен в салоне такая температура: «Советский морж – самый морозоустойчивый морж в мире!»). Интуиция Силина не подвела: в машине действительно находились «злоумышленники».

Миша Добрынский, как и я, был студентом завода-ВТУЗа, где тоже неделю работал, а неделю учился. Он приехал из Миасса Челябинской области, где работал в ЗИЛовском филиале, и Москва оглушила и ошеломила его. Он чувствовал себя в этом огромном шумном городе чужим и потерянным. Устроился дежурным лаборантом, а фактически сторожем, в испыта-

тельные боксы. Работа была не бей лежачего, потому что ночью ничего не происходило, и можно было спать или делать курсовые. Зато весь день был в его распоряжении, и он всё время отдавал своему увлечению – коротковолновому радио. В общаге ему с его аппаратурой было трудно развернуться, но в ДК ЗИЛа был радиокружок, и там он стал заправилкой и проводил всё свободное время.

Красивый, смуглый, цыганистого типа, он нравился девочкам. Но он на них не обращал внимания, потому что был влюблён.

Его тайной избранницей была Оля Кузнецова из металлографической лаборатории. Она не была красавицей, но нравилась очень многим. Признаюсь: её слегка скуластое лицо, обрамлённое распущенной копной рыжеватых волос, точёная шея и высокая грудь сильно будоражили и моё воображение. Но я уже на собственной шкуре узнал справедливость мудрости «Не спи, где работаешь, и не работай, где спишь», и никаких шашней на работе себе не позволял.

Оля жила неподалёку от нас, училась в той школе, где учительствовала моя мама, и у нас с ней были вполне приятельские отношения. По работе мне частенько приходилось бывать у них в лаборатории, и мы иногда вместе обедали в столовой. Миша с таким благоговением смотрел на неё, что Оля знала, что нравится моему приятелю. Похоже, он ей тоже нравился, поскольку она была явно рада, когда я их представил друг другу. После этого я иногда видел их обедающими вместе. Бедняга Миша, чтобы «незначай» встретиться с тайным предметом своего обожания в столовой, приходил на завод за два часа до своей смены. То, что он не делал никаких попыток с ней сблизиться, раззадоривало её ещё больше («Чем меньше женщину мы любим...»). Как-то она мне сказала напрямую:

– Этот твой приятель Миша немного странный. Мы с ним вместе обедаем, смотрит на меня так, будто я ему действительно нравлюсь, но хоть бы раз в кино пригласил...

– Он, Оля, стеснительный. Боится, что ты его пошлешь. Но если не возражаешь, я с ним поговорю.

Разговор состоялся в тот же день.

– Понимаешь, Яш, она – столичная. Вон какие кадры за ней увиваются: конструкторы, учёные всякие... А я – с Урала. Говорить, как ты, сладко с бабами не умею. Пригласить мне её некуда: у меня в общаге комната на троих. А в кино или в парк – не знаю, о чём интересном говорить. Боюсь, что первая встреча будет последней. А я, похоже, и правда втюрился...

– Поспешешь – людей насмешишь, а опоздаешь – ничего не возьмёшь. Девка она видная. Пока никого серьёзного у неё нет, но свято место пусто не бывает, и кто не успел, тот опоздал, – исчерпав свой запас народных мудростей на тему, я перешёл к практическим советам.

– Расскажи ей об уральских красотах, о своих радиоконтактах: ты ведь со всем миром по морзянке переговариваешься! Я заслушался, когда ты мне рассказывал.

– Думаешь, ей будет интересно? Да, ты прав. После того как ты сказал, что она не против, я попробую. Но я столько ждал, что мне нужен какой-то особый случай для первого свидания. Подскажи, чем у вас, москвичей, можно произвести впечатление?

– Билетами на дефицитный спектакль. Пригласи в театр, а на что – скажи: «Сюрприз». Договорись с ней встретиться на Маяковке. Ты ведь днём не работаешь? Поезжай к трём. Там в четыре снимают бронь сразу с двух театров: Сатиры и Моссовета. Билет в любой из них – уже круто. Ещё там есть зал Чайковского, но, думаю, она не по этому делу. Цветочки не забудь купить – маленький букетик, чтоб носить было не в тягость... Обязательно проводи домой, до подъезда. На прощание попробуй поцеловать. Но не очень настырно и дальше в первый день не лезь.

Он всё сделал, как я советовал, и они договорились на первый же свободный вечер. Судя по всему, всё прошло неплохо, потому что через пару недель он обратился ко мне уже за другими советами:

– Яш, у нас всё на мази. Я просто летаю! Никогда не думал, что любовь – это так здорово! Через несколько дней я уезжаю на зимние каникулы домой. Новый год хотелось бы встретить с Олей, и я даже думал перенести билеты в Челябинск на попозже. Но она тоже уезжает с

родителями в пансионат. Мы решили отметить Новый год вместе, но немного заранее. Все эти шумные новогодние ёлки нам не нужны – хочется чего-то тихого и интимного. Может, под- скажешь что-нибудь?

– Даже и не знаю, что посоветовать... Может, вам куда-нибудь съездить на один день? В Ленинград, например...

Решение пришло откуда Миша никак не ждал. Шатаясь из бокса в бокс, он заметил, что машины во время испытаний не всегда закрывают. Приоткрыл одну, заглянул – и обомлел. Эти машины, предназначенные для членов политбюро, внутри выглядели как роскошные номера на колёсах. Сиденья раскладывались, превращаясь в удобные лежачие места. Затемнённые стёкла обеспечивали полный интим. Миша был поражён неопишуемой роскошью обстановки и понял, что лучшего антуража для новогоднего свидания ему не найти.

На следующий день он подошёл к Оле и спросил:

- Оль, ты умеешь хранить секреты?
- Да, – с интересом ответила Оля.
- Ты завтра во сколько заканчиваешь?
- Вторая смена, как обычно, в десять вечера.

– Я хочу пригласить тебя на прощальное, перед моим отъездом, свидание. Место – здесь, на ЗИЛе, но тебе понравится. Насчёт секретов я серьёзен: если узнают – меня уволят.

– Миша, ты меня в конец заинтриговал! До последнего троллейбуса мы успеем?

– Должны. Но не волнуйся. Если опоздаем – я тебя посажу на такси или провожу пешком. Дома скажи, что будешь у подруг на предновогоднем вечере.

Миша купил бутылку шампанского, сыр, шоколадные конфеты и где-то на рынке три розочки. Всё это он спрятал в тубус для чертежей, принёс на работу и заранее положил под сиденье выбранного лимузина. После второй смены и душа к половине одиннадцатого Оля появилась в назначенном месте. Миша уже ждал. Он убедился, что никто их не видит, взял её за

руку и открыл дверь в испытательный бокс. На небольшом возвышении стоял и тихонько урчал непокрашенный ЗИЛ-117, весь обвешанный датчиками и проводами. Миша открыл заднюю дверь и, подставив скамеечку, галантно предложил даме войти.

Обычные москвичи, тем более рабочие завода, никогда не сталкивались с атрибутами западной роскоши – полированным красным деревом, тонко выделанной кожей и приглушённой подсветкой. Оля обомлела и не скрывала восхищения. А когда появились шампанское и розы, она совсем растаяла. После первых глотков вина очарованная барышня сама обняла Мишу за шею, притянула к себе и поцеловала в губы.

Классический детектив предполагает вовлечение читателя в поиски разгадки. Так что, думаю, вы догадались: первый визит нашего Ромео и стал причиной того самого подскока температуры в графиках испытаний.

Когда на следующий день инженер Богомолов подошёл к машине, наши влюблённые тихо за- таились внутри. Через затемнённые стёкла он их, естественно, не видел, а, тихонько повернув ключ, заблокировал замки и ушёл. Они из-под заднего сиденья этого даже не заметили и, убедившись, что тревога миновала, через несколько минут продолжили свои нежности.

В ту ночь проводились испытания на достижение минимальных температур, и в машине постепенно становилось холодно. Эмоции, объятия и Олина синтетическая шубка поначалу помогли справиться с неудобством, но становилось всё холоднее. Пришло время закругляться. После долгих прощальных поцелуев Миша потянул ручку двери – она не открывалась. Попробовал ещё раз – безрезультатно. Затем проверил другие двери – тот же итог. Заперто! Когда он объяснил ситуацию Оле, у неё началась истерика. Она уже видела, как родители поднимают на ноги весь город в поисках пропавшей дочери, и ужасалась будущему позору, если их утром обнаружат замёрзшими в машине. Исключение из комсомола, увольнение с работы, насмешки

знакомых... Мише грозило исключение из ВТУЗа и армия, но он, как истинный джентльмен, о себе не говорил, стараясь успокоить Олю. Он прижимал её к себе, пытаясь согреть, целовал заплаканные глаза — и вдруг, в ответ на её сетования о позоре, его осенило. Он разжал объятия, встал на колени и сказал:

— Оля, мне до тебя никто никогда не нравился. И, думаю, больше никто не понравится. А в тебя я влюбился — по уши! Выходи за меня замуж! Золотых гор и таких машин и мебели, как сегодня, не обещаю, но буду тебя любить и смогу обеспечить семью.

Ольга совершенно этого не ожидала и сразу перестала плакать.

— Миш, ты что, серьёзно? — но она чувствовала, что он совершенно серьёзен. — Ты ведь меня совсем не знаешь! Может, я стерва?

— Да нет, немного знаю. А ещё я очень хорошо знаю себя и знаю, что я тебя люблю. А если ты меня не полюбишь, то, когда страсти улягутся, сможешь спокойно уйти. Я ни на квартиру, ни на прописку претендовать не буду. Но надеюсь, что, когда узнаешь меня, тоже полюбишь.

Становилось всё холоднее. И вдруг Оля представила их со стороны: она — в кожах лимузина, в своей розовой шубке; он — стоящий перед ней на коленях, в спецовке, влюблённый брюнет... И поняла: такое случается только раз в жизни — и то не у всех.

— Спасибо, Мишенька... я... согласна. Ты мне нравишься, и я очень постараюсь тебя полюбить.

Михаил разлил остатки шампанского, они выпили за своё счастье и поцеловались. Потом, уже ничего не боясь, он перелез на переднее сиденье, включил фары и стал настойчиво сигналить. А потом нашёл кнопку sireны.

Через несколько минут в боксе загорелся свет, вбежал дежурный инженер. Он увидел Мишу, но ключей у него не было. Пришлось звонить Богомолу. Ещё через час замёрзших любовников наконец освободили. Миша взял всю вину на себя, заявив, что Оля не знала, куда идёт, и что между ними ничего не было.

Чтобы не привлекать Комитет госбезопасности и не раздувать скандал, Мише закатали выговор с занесением в личное дело и позволили уйти по собственному желанию с ЗИЛа и из института. Через месяц его призвали в армию. Оля вскоре тоже уволилась. Весной я встретил её в гастрономе: теперь она работала в Теплотехническом институте, возле метро Автозаводская. Никаких вопросов о Мише я не задавал, и она тоже ничего не сказала.

А ещё года через три, я совершенно неожиданно встретил Мишу Добрынского в сквере на Автозаводской. Он был с маленькой очаровательной двухлетней девчушкой — с Мишиными огромными чёрными глазами и длинными ресницами. Мы обнялись, разговорились. Тогда-то он и рассказал подробности той ночи.

— Яш, приходи к нам в гости. Ты для нас троих, как крёстный: ведь если б не ты, моя увлечённость так ни во что бы не вылилась...

— С удовольствием. А трое — это кто?

— Я, моя жена Оля (поженились, когда я ещё был в армии) и наша дочка Муза.

— Как-как её зовут?

— Муза. Она родилась ровно через девять месяцев после той памятной ночи в ЛИМУЗИНЕ.

Алька Искрова

ВОЗЬМИ КОТА

Когда обступает тревожная темнота,
 Когда ничего впереди и густые тени,
 Оденься, на улицу выйди, найди кота.
 Он ждет тебя где-то в холодном пустом подвале,
 На праздники выбрав последнее из хотений, —
 Чтоб теплые руки твои его обнимали.
 Он в этом подвале исправно, который год.
 Не слушай Пелевина, вот он — твой плюсик в карму.
 Он рядом совсем, это твой настоящий кот.
 Пусть в жизни творится всякая суета.
 Ты станешь, как котик — лоснящийся и шикарный.
 Он страхи прогонит, лучше огромных армий.
 Спустишь, твою мать, в подвал и возьми кота.

МНЕ Б НА РУЧКИ

Мне б на ручки, господи,
 Я хочу,
 Показатьсь правильному врачу.
 Пусть напишет справку:
 Она, мол, — кот,
 Вообще в реальности не живет.
 У нее, мол, лапки
 И даже хвост.
 Ей нельзя вот это вот все всерьез.
 Ей нельзя преграды и рубежи.
 Ей бы счастья чуточку пережить
 И тепла немного. Ее нутру
 Нужен сплин березовый поутру,
 Нужен кто-то, чтоб спинку чесать всю ночь.
 Чтобы взять и сделать, а не помочь,
 Чтоб коленки, мягкий пушистый плед,
 Чтоб забыла, о сотнях тревог и бед,
 Чтоб поверила в таковость бытия,
 Чтобы снова стала с собой на «я».

Я б пошла в дурдом или диспансер
 И в лицо бы тыкала справкой всем
 И коленки требовала и плед...

Жаль врача такого на свете нет.

ЛЕС

Прислушайся,
 Как шелестит листва,
 Как с тихим гулом корни землю роют.
 Пока все люди заняты войною
 Деревья шепчут слышное едва:
 "В огне и пепле, в самый темный час
 Родится лес и он укроет вас."

Из тонких веток выйдет тишина.
 Лес прорастет, невидимый, зеленый —
 Взметнувшись к небесам,
 сомкнутся кроны,
 Над каждым, у кого сейчас война.

Лес всех спасет
 Ведь он не грозный бог
 Ему плевать хорош ты или плох.

Алька Искова

НЕСКАЗОЧНОЕ

Кай уезжает в большой карете, с ним королева, и треплет ветер, связанный бабушкой на рассвете, новый его полосатый шарф, Герда за ним, задыхаясь плачем, ей так понятно, что это значит, ей так обидно, что этот мальчик вовсе не знает земной устав.

А королеве смертельно скучно – мальчиков этих такая куча, девочка плачет, вот это лучше, только осмелится ли за ним?

Кошка сидит за стеклом оконным, смотрит в окошко лениво, сонно, охает бабушка в кресле фоном: «Кай этот, в принципе, заменим».

Герда, конечно, глупее кошки – кошка скучает совсем немножко, не опустеет у кошки плочка, значит, и дергаться не резон.

Глупая Герда идет за Каем, значит, судьба у нее такая – реки и горы пересекая, вечно преследовать горизонт.

Снежная снова скучает в замке, надо же было пробиться в дамки, чтобы уткнуться вот в эти рамки – тут или мучайся или тай.

Кай недоволен, ему не спится, сны наполняют чужие лица, слезы и просьбы остановиться, в спину несется: «Не улетай»!

Герде пора бы скучать по кошке, дому и бабушкиной крошке, все это явно не понарошку. Глупая Герда идет вперед.

Снежная тешит себя надеждой – Герда дойдет, и она, как прежде, станет горячей, живой и нежной и, наконец-то, себя найдет.

Кай примеряет себе корону, с каждым мгновением – ближе к трону, держит глобальную оборону, мысли и чувства покрыты льдом.

Кошка на солнышке греет пузо, нету на сердце у кошки груза, кошка себя ощущает музой, сны по ночам зазывая в дом.

Герда, конечно дойдет до Кая – сказочный принцип непрерываем, в это мгновение истекает доза отмеренных им чудес.

Мальчик ни слова сложить не может, время его истекает тоже, медленно иней ползет по коже – Кай остается навеки здесь.

Кошка сидит на пустой кровати, бабушка кончилась так некстати, просто сказала: «Пожалуй, хватит», и погрузилась навеки в сон.

Некоролева на троне плачет, девочке жребий уже назначен, рядом – навеки застывший мальчик, и потихонечку тает трон.

РЮКЗАК

Алиса Дербенёва

Не умею женственно носить сумки. Так, чтобы сумочка была частью аут-лука, оттеняла цвет глаз и изящно болталась в районе локтя. Какую бы милую брендовую сумку я ни приобретала, к концу дня она становилась мешком. С утра складываешь в нее кошелек, права, помаду, пробник духов и выходишь из дома кокетливой девицей. Вечером уставшей теткой прешь на себе тяжеленный баулище с пачкой документов, килограммом картошки, колбасой, хлебом и бутылкой вина. К тому же сумки оттягивают плечо и портят осанку, которая и так не ахти.

Другое дело надежный друг рюкзак: держит спину ровно, а если забить его потяжелее, подключает верхний пресс и работает тренажером.

Однажды рождественскими днями я гуляла по аккуратному европейскому городу с фахверковыми домиками и сияющими гномами перед входом. Шел толерантный дождик. Дорога, вымощенная одинаковыми по размеру камнями, не пачкала обувь, а похоже, даже очищала. Трогательные ставенки на окнах милейших домов должны были бы вызвать умиление, но вместо этого я ощутила тяжелейший приступ ностальгии по сталинскому ампиру, по чавкающей под ногами грязи и огромным открытым пространствам страны, в которой я родилась.

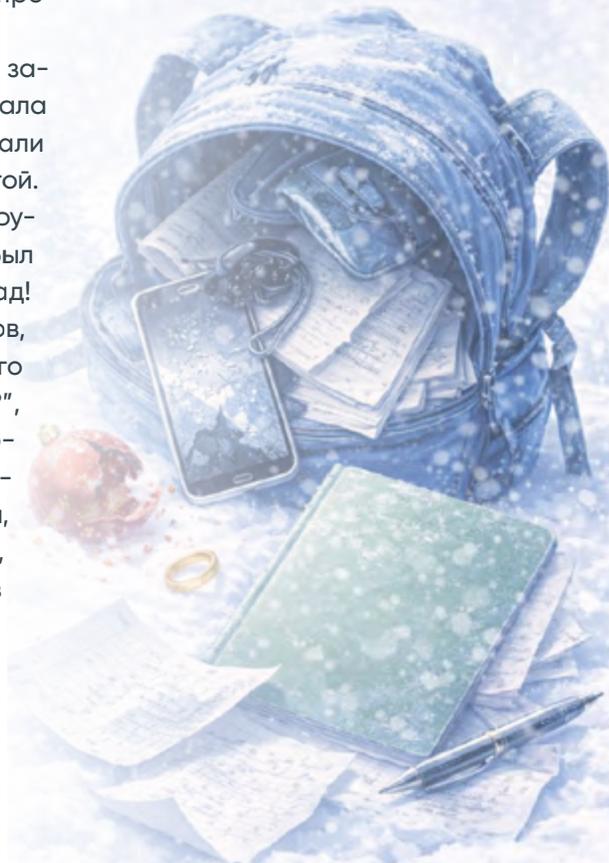
Чтобы избавиться от нахлынувших чувств, пришлось зайти в маленькое кафе на крошечной площади. Я заказала кофе и уставилась в окно. По стеклу медитативно стекали капли дождя, делая реальность дрожащей и расплывчатой.

В глубине рюкзака дзинькнул телефон. Я пошарила рукой внутри, вытянула его наружу и остолбенела. Да, это был мой телефон. Но этот я потеряла больше пяти лет назад! Как он здесь оказался? Я пролистывала журналы звонков, сообщения, фотографии, и в голове роились мысли того времени – “кто придумал эти подарки на Новый год?”, “как ехать? дороги забиты, в пробках можно часами стоять”, “может, рвануть на дачу, там интернета нет, отдохну от всех”, “пора Севке знать правду про Деда Мороза, десять лет уже пацану”. Я потрясла головой. Брр... А что, если позвонить по этому телефону? Тому, кого точно нет в моем времени. Я нашла номер в списке контактов и нажала “позвонить”. Когда на том конце ответили, у меня ухнуло сердце вниз и кажется, покатило по кафельному полу.

Андрей, ты?!

Да, привет, чего орешь как резаная?

Андрюха, уезжай скорее. Будет война и ты погибнешь.

Алиса Дербенёва

Рехнулась? Что за странные шуточки?

Андрей, спасай... – Разговор оборвался. Точно, у меня тогда был другой тариф, без роуминга, вот деньги и закончились.

Сердце колотилось и так бухало в груди, что чуть не выскочило наружу. Позвони мне кто-то за три года до войны с такими словами, я б точно также реагировала. Пришлось засунуть бесполезный теперь телефон из прошлого в рюкзак. Ай! Укололась. Что там?

Это была надколотая елочная игрушка. Двухлетний Севка так рыдал, когда она упала с елки и треснула. Мы давали ему другие игрушки, трясли перед ним мишкой “смотри, мишка не плачет”, предлагали конфеты, Сашка показывал ему бокс “ба-бах, тыдыщ” – обычно он с удовольствием велся на все эти заманухи. Но не сейчас. Севка выл, у него ручьями текли слезы с соплями, он обхватил голову двумя ручками и раскачивался в стороны – “не бах, не бах, она упаль, больна-а-а”. Еле-еле Сашке удалось его укачать. Мы обалдели, когда Севка, прерывисто вздыхая после долгого плача, сказал – “тётя помёрла”. Стало ясно, что он рыдал не из-за игрушки. Тогда у меня осталось неясное ощущение прикосновения к большой тайне, к истокам мира, еще доступным маленьким детям, но наглухо закрытым для взрослых.

Я снова опустила руку в середину рюкзака – с интересом и опаской. Следующим было обручальное кольцо, которое забрало у меня море. Мы стояли палаточным лагерем в Крыму, подальше от цивилизации. Нашему приятелю стало плохо, лекарства не помогали, становилось все хуже, пришлось соорудить плот из надувных матрацев и карематов. Погрузили приятеля с вещами, закутав в полиэтиленовую пленку, привязали веревку и тянули эту красоту вдоль берега, временами окунаясь в море. Руки кровили от верёвки, было жарко, я плюхнулась в воду, чтоб хоть немного остыть и кольцо незаметно соскользнуло. Приятеля доставили в больницу вовремя, но я расстраивалась из-за потери и бабкинских рассказов “потерять кольцо – к расставанию”. Чушь это. Кругом апокалипсис, а мы с Сашкой до сих пор вместе.

Я испытывала странное чувство, как будто ковыряешься в ране – больно и немного приятно. С каждым новым предметом я как будто становилась легче. На этот раз рюкзак выдал мне университетский конспект по анатомии низших растений, дисциплине, которую я сдавала тринадцать раз – рекордное для биофака число подходов. Вспомнила, как нервничала, какой дурой себя чувствовала, с какой унижительной жалостью смотрели на меня однокурсники. Но я все-таки сдала ненавистных низших.

Подтянула рюкзак поближе. Опа! Дневник за 8 класс – “ела яблоко на уроке”, “мыла полы грязными тряпками”, “издевалась над пионерским галстуком”. Неужели я переживала из-за этой ерунды?

Недочитанная в детстве книга с засушенным цветком между страницами. Это были рассказы про Ленина и голодных детишек, ставших сытыми детишками, про Ленина и плохих рабочих, ставших хорошими рабочими, про Ленина и грязную собачку, ставшую чистой после уместного замечания Ильича. Какое счастье, что я в детстве так и не дочитала эту муть!

Алиса Дербенёва

Моя игрушка из детства – голый пупс в ванночке. Я мыла его в пене, он стал склизким и выпрыгнул в неизвестном направлении. Тогда я оплакивала потерю, а взрослым взглядом вижу, что и слава богам! Останься жуткий пластмассовый монстрик со мной подольше, мог бы сделать меня чайлдфри.

Когда я вытащила из рюкзакового живота пару моих младенческих варежек, которые завязывают на ручки, чтоб младенец не оцарапался, поняла, что пора остановиться. Ведь копни я глубже, могла залезть уже не в свою нынешнюю жизнь, а в прошлую или позапрошлую. Зачем мне эти знания? И без того крыша слишком подвижная в последнее время – так и норовит отправиться в путь без меня.

Все это барахло лежало на маленьком круглом столе, норовя свалиться вниз. Я чувствовала необыкновенную легкость, казалось, если подпрыгну повыше, то просто взлечу наверх и буду летать между рождественскими облаками, пугая неучтённым небесным телом дисциплинированных европейцев.

Я повернулась к окну, за которым олень тянул сани с Сантой. Помахала им рукой. Санта посмотрел мне прямо в глаза и подмигнул. Олень оказался активней – захохотал и выпустил из ноздрей кучу разноцветных пузырей. Ну, не из задницы, и то хорошо.

Стол снова был совершенно пуст. Санта, спасибо тебе за чудо, конечно, но кофе можно было бы и оставить, пять евро все-таки...

Праздники

Опять приходят праздники
С энергией удвоенной.
Справляют их по-разному,
Проводят их по-своему:

Одни в большой компании –
Шампанское и возгласы!
Другой в самокопании
И с кучей мысли около.

В кругу семейном третьи и
В интимном освещении.
Непросто заприметить их,
Как брокеры – священное.

Четвертый в одиночестве,
Хоть предпочел иначе бы,
А пятому так хочется:
За прочих не уплачено.

Кому давно не терпится:
Сгорает в предвкушении.
Другие по инерции:
Не важно совершенно им.

Отшельнику – доукою
Они и отклонением,
Спектаклем глупым кукольным,
Напраслиной волнения:

Как буря в тихой гавани,
Где чёлн едва качается,
И ждет пождет, когда они
Минуют окончательно.

А кто-то в полном ужасе:
К концу подходит пиршество!
Похмелье душу сушит и
Стыдит былым излишеством.

А праздник надвигается
И, не спросясь, приветствует.
Ему по сердцу крайности,
Ему чужда ответственность.

Он легкий и улыбчивый,
Несет лукавый, кажется,
Девиз: «Забудьте личное,
Насущное и важное!»

Александр
Синдаловский

Представление снега

Я представлял, как падал снег,
Как он летел десантом хлопьев
И заметал собой досье
На мир безрадостно холодный.

Он то укутывал сполна
Слоисто ватным одеялом,
То сети тонкие сплетал,
В них воплотив дизайн детальный.

Он то парил, как легкий пух,
То опускался, словно перья,
И украшал избитый путь
Жемчужно белым ожерельем.

Ваял причудливо дворцы
На разветвленной арматуре,
Но их фасады и торцы
Небрежной лепкой штукатурил.

Он цель преследовал одну:
Дать роздых доле окаянной.
И дол тонул, и лес тонул
В безбрежно белом океане.

Алексей Высоков

НЕ ВСТРЕЧАЛ ЛИ ТЫ МОЕГО БРАТА? Дед Винченцо.

С дедом Винченцо я познакомился в 2017м, когда мы подыскивали квартиру попросторнее. Он был невысоким мужчиной, уже сильно в годах, но бодрым и общительным. Старался угодить любым нашим запросам и очень интересовался нравится ли нам их квартира на 4м этаже с прекрасным видом на 3 стороны света и из которой даже можно было увидеть кусочек озера Комо. Они жили с женой Марией в том же доме на первом этаже. Обычные жизнерадостные итальянские пенсионеры, сдающие соседнюю квартиру, опустевшую после того, как дети повзрослели и разъехались от них со своими семьями на «безопасное расстояние».

Квартира была чудесной, хотя и пустой, но вид и пространство затмевали все сложности обустройства и цену мебели. К тому же в отличие от других хозяев квартир, Винченцо с Марией были весьма расположены к нам, иностранцам, работающим без постоянного контракта в Италии, да ещё и русским, имидж которых после 2014 года слегка изменился в мире.

Мы достаточно быстро договорились об аренде квартире и радостно заселились на новое место. Винченцо иногда приходил как бы мимоходом чтобы спросить всё ли у нас в порядке после переезда и нужно ли нам ещё чем-то помочь. Радовался если нам было что-то нужно и у него это было в его гараже-мастерской.

Бывало, что мы к ним заходили предупредить что уезжаем на месяц-полтора в Россию на каникулы, а они перехватывали нас на лестничной площадке чтобы перекинуться парой слов и традиционно поинтересоваться нравится ли нам их квартира и вообще, как мы обустроились.

Обычная итальянская вежливость, замешанная на любопытстве и потребности в общении.

В одну из таких почти случайных встреч на лестничной площадке, когда мы как раз только вернулись с каникул в России, дед Винченцо вдруг спросил: не встречал ли я там его брата? Я не понял вопроса. Он повторил из вежливости, так как я мог не понять его вопроса – я всё же иностранец. Он повторил: не видел ли я брата в России?

Станный вопрос от итальянца в возрасте под 80 лет. Мы, конечно, видели много европейских пенсионеров, резво фланирующих по европейским столицам, но, чтобы в Россию, да ещё и в таком возрасте – странно. Тем более его брата мы видели, и он даже такой бодрый как Винченцо. Тут Мария решила пояснить: был у Винченцо другой брат, который ушёл на войну и не вернулся. Я посмотрел на Винченцо. Глаза его налились слезами горечи и глубочайшей утраты. Он рассказал, что его старший брат ушёл воевать на стороне Германии во время второй мировой войны, хотел стать героем и вернуться домой с честью и наградами. Сам он на войну не попал – ему тогда было 13 лет, да и не хотел он становиться героем на войне. В итоге, рассказал Винченцо, они получили последнее письмо от него, в котором он писал, что сейчас они стоят многотысячными соединениями с немецкими полками у какой-то реки Дон в России, готовятся к наступлению. Это было его последнее письмо. Больше они про него ничего не смогли узнать.

Быстро сопоставив в голове два кусочка пазла, река Дон и 1942 год, в голове у меня сложилась картинка – предстояние перед на-

ступлением на Сталинград. Ад, из которого не вернулось несколько миллионов человек с обеих сторон. Какие были шансы у итальянского пацана, ещё вчера работавшего в пекарне или типографии?

Я стоял и смотрел на Винченцо, его налитые слезами глаза и тут же я увидел своего дедушку Ваню. Как он всегда говорил «чёртов Гитлер», как он нервно отворачивался от стадиона, на котором 9го мая каждый год десантники показывали постановку со стрельбой холостыми. Мы, пацаны, были в восторге от представления, а дедушка смотреть не мог и от каждой очереди вздрагивал даже в далеких от войны 1980х. Я вспомнил как они встречались со своими друзьями ветеранами 9го мая и просто радовались встрече, молчали, пускали слезу. А потом бывали обязательные праздничные застолья, с обязательным тостом за мирное небо над головой, ровно одной рюмкой водки и одной скупой слезой.

Дедушка Ваня был незлобивым человеком и, наверное, даже слишком мягким в чем-то, но когда ему приходилось вспоминать про войну, то это была злость от всего сердца и от всей души. Нет, дедушка не ненавидел немцев или итальянцев. Этого не могло бы быть по природе вещей – у нас в Средней Азии ещё до войны свезли, сослали, сбежали все народы огромной страны, и немцы были чуть ли не в каждом третьем доме. В нашем лексиконе не было другого понятия кроме как «кух» в качестве светского блюда на Пасху. Но дедушка всегда ненавидел фашистов и Гитлера, ненавидел войну и смерть. В плену он был вместе с итальянскими партизанами и каким-то словам они его научили, а он потом меня. Отчетливо помню, как он мне в детстве наговаривал всякие немецкие и итальянские слова. Особенно запомнилось слово «поццангера» – лужа по-итальянски.

Уже много лет как я приезжаю в Германию по делам, дружу с немцами не из СССР и вижу, как они пережили ту войну. В Италии почитают партизанское сопротивление – это немного не тот опыт что был у наших родственников и война остаётся далёкой и непонятной пока ты не видишь слёзы своего дедушки, когда ты видишь слёзы родственников солдат с другой стороны окопов, которые так же проклинают войну, кото-

рые так же горюют и страдают от потери своих братьев и детей, для которых эта война не закончится никогда, пока их память не уничтожит последние детали того ада через который их провела судьба.

Мы стояли и смотрели друг на друга – Винченцо на меня, а я на Винченцо. У нас не было ни ненависти, ни злобы что наши страны были по разные стороны баррикад в той войне. Но у нас было единое чувство – чувство бессмысленности войны и убийства, ничтожности человеческой жизни на войне и том горе, которое нас с ним объединяет. Мы живые люди, мы не были на той войне, но мы там потеряли безумно много. Он потерял брата, я потерял дедушку, который мог бы прожить дольше и видеть этот мир дольше, если бы не ранение в висок, которое привело с годами к ускоренной слепоте. Я стоял и смотрел на Винченцо, мои слёзы градом катились внутри меня, но я почувствовал невидимое прикосновение руки моего дедушки к моей руке и смог не выпустить их наружу.

Винченцо умер в декабре 2020го. Не от КО-ВИДа, а просто устал. Так же как мой дедушка Ваня. Мария ушла за ним через полгода, хотя была лет на 7 младше него, выглядела здоровее и существенно моложе своего возраста. Видимо некоторые люди в нашей жизни являются несущими кирпичиками нас самих и когда они уходят, то и мы становимся более уязвимыми и слабыми.

Иногда мне кажется, что должны быть люди, которые сами что-то видели или участвовали в чём-то великом. Не важно в плохом или хорошем. Чтобы они могли сказать нам что это было белым, а это было черным и не было бы никаких сомнений что так оно и было. С уходом таких людей становится пасмурно на душе. А что если для баланса вселенной должно поддерживаться определенное количество свидетелей бесспорного ада и раз одни свидетели ушли, то должны появиться новые? Новые испытания, свидетелями которых должны стать мы или наши современники. Что мы будем рассказывать своим внукам и кого вспоминать исключительно с проклятиями или теплотой?

Не встречал ли ты моего деда там на небесах, дед Винченцо?

Марина Бабич

Чтоб ещё одну весну пригубить,
В ожидание окно растворить,
И в ладони белый цвет задержать, -
Нужно долгим февралем отдышать.

По наитию, шажок за шажком,
Обходить бедой застигнутый дом,
Со свечою иль лампадой в руках
И мелодией весны в облаках.

Тонки нити, далека колыбель,
Где качает ветер март и апрель.
Но сверчок, колдуя, ноты возьмёт,
И за скрипкой в ночь беду уведёт.

Чтоб ещё одну весну пригубить,
В ожидание окно растворить,
И в ладони белый цвет задержать, -
Нужно долгим февралем отдышать.

С НОВЫМ ГОДОМ!

www.igla.press

 2026
ИИНА